

Качалов и Кардовские

Краеведы хорошо знают, какое огромное удовольствие доставляют им встречи с новыми, интересными людьми. Тем более, что такие встречи приносят весьма приятные неожиданности. Так случилось и на этот раз, когда вместе с художником Г. Б. Смирновым — учеником академика живописи Д. Н. Кардовского — я пришёл в квартиру В. В. Шверубовича на улице Чайковского в Москве. Русский актёр Шверубович носил эту фамилию до 1896 года, пока не стал артистом Суворинского театра Василием Ивановичем Качаловым. В 1900 году он перешёл в Московский Художественный театр и там наиболее полно проявилось его незаурядное дарование. Небывалой высоты сценическое искусство Качалова достигло в советское время. Он был награждён двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, удостоен Государственной премии и почётного звания народного артиста СССР.

И вот я у его сына Вадима Васильевича.

Всё здесь дышит воспоминаниями о великом артисте: письма его друзей, дарственные книги, памятные фотографии, мебель, посуда, даже такие «мелочи», как спичечница и пенсне, разных форм и фасонов.

Василий Иванович никогда не бывал в Переславле-Залесском, но... он и сейчас там. В названном именем известного советского художника и педагога, академика живописи Д. Н. Кардовского художественном отделе местного музея есть портрет Качалова. С большим сходством великий актёр изображён сидящим в кресле перед зеркалом своей артистической уборной, снимающим грим после спектакля. Картина принадлежит кисти профессора живописи О. Л. Делла-вос-Кардовской — жене академика.

Случайно? Нет! Семья Василия Ивановича Качалова и Дмитрия Николаевича Кардовского были связаны не только знакомством, как принято было говорить в старину — домами, но и узами тесной дружбы. Поэтому они часто бывали друг у друга.

Как-то в начале 1925 года Ольга Людвиговна написала «портрет» качаловского пса Джима. Я не оговорился. Именно портрет — настолько хорошо переданы в нём облик и характер собаки: важно-спокойный. Глядя на этот шедевр акварельной живописи, невольно вспоминаешь стихи Сергея Есенина, обращённые к натуре. Они начертаны рукой поэта карандашом, пониже лежащей великолепной собаки. Приведём лишь первую строфу из них:

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду...

И тоже не случайно, Качалов дружил с Есениным, относился к нему с симпатией и искренне любил как поэта.

«Во время моих скитаний по Европе и Америке, — писал Василий Иванович впоследствии, — я всегда возил с собой сборник его стихов. Такое у меня было чувство, как будто я возил с собой — в американском чемодане — горсточку русской земли, так явственно, сладко и горько пахло от них родной землёй».

Во второй половине декабря 1925 года Качалов готовит роль императора Николая в спектакле МХАТ «Николай I и декабристы» А. Р. Кугеля. Постановка была художественно оформлена Д. Н. Кардовским в минимально короткий срок. Инициатором приглашения Кардовского в Московский Художественный Академический театр являлся едва ли не сам Качалов.

В витрине одного из залов нашего музея хранится благодарственное письмо К. А. Станиславского, адресованное Д. Н. Кардовскому. Не будем приводить его полностью, ограничимся лишь заключительной частью: «Примите нашу искреннюю благодарность за Вашу отзывчивость и за готовность помочь нашему театру. Простите за то, что ввиду спешности постановки... мы не могли предоставить Вам всего того, что требовалось и принесли Вам немало огорчений». Письмо датировано 25 декабря 1925 года, когда в нашей стране широко отмечалось столетие восстания декабристов. Посещение В. В. Шверубовича было весьма полезным: наш музей обогатился несколькими примечательными личными вещами и фотографиями В. И. Качалова. Это оригинальный маленький глобус, оказавшийся точилкой для карандашей; его Качалов привёз из гастрольной поездки в Ригу. Вадим Васильевич рассказывал, что глобус, стоявший с 1930 годов на письменном столе отца, привлекал всеобщее внимание, в частности и Кардовского, восхищавшегося остроумной выдумкой латышей.

Спичечная книжка или жилетные спички вызывают интерес тем, что они уникальная находка для филумениста, каким был Качалов. Он даже устроил в 1924 году небольшую выставку своей коллекции спичечных этикеток. Подаренный В. В. Шверубовичем редкий экземпляр этикетки представляет собой вошедшее в то время в моду изделие Балабановской экспериментальной фабрики, выпускавшей подобные картонные спички.

А вот и курительная трубка, с которой Качалов играл роль Карено в пьесе К. Гамсуна «У врат царства» с 1908 по 1947 год, целых тридцать девять лет! Характерно качаловское пенсне без оправы, с прямоугольными стёклами; он в нём играл множество раз и был снят с ним на десятках фотографий.

Любопытны автографы Качалова и среди них оригинал его выступления в радиопередаче, посвящённой встрече челюскинцев в Москве 19 июня 1934 года. Он был совершенно исключительным чтецом и очень часто выступал в эфире.

Как живой, смотрит Василий Иванович с фотографии, сделанной в 1920-х годах в Москве. Но особенное внимание к себе привлекают две фотографии. На одной Качалов изображён в роли Николая I, в мундире, специально сшитым по эскизам Кардовского, а на другой — снят 16 сентября 1934 года вместе с народным артистом СССР Ю. М. Юрьевым.

Мы тепло беседуем. Вадим Васильевич сетует на то, что вот и ещё ему пришлось поделиться какой-то частью памятных вещей отца, что их остаётся всё меньше и меньше, но он от души передаёт эти вещи музею.

Я сердечно благодарю его за подарки, прощаюсь с ним, гостеприимным и любезным...